

в ней – и в первую очередь сказанное самим Кажданом – так или иначе стоит под знаком радикальнейшей историзации сознания, происходящей в современном российском византиноведении, – такой, когда мы словно бы извлекаемся из истории, как протекала она до нас, однако само историческое, все уже бывшее и существовавшее, вписывается в наше окружение как нас касающееся и нам принадлежащее.

А.С. Козлов

А р у т ю н о в а - Ф и д а н я н В.А. “Пове́ствование о делах армянских” (VII в.): источник и время. М.: “Индрик”, 2004. 272 с.: ил.

VII век считается этапной эпохой для истории Византии, временем крупномасштабных трансформаций, значительно изменивших как географическую конфигурацию, так и внутренний образ империи. Общепризнано, что одним из влиятельных факторов социального и культурного изменения Византии в ту эпоху явилось тесное взаимодействие с восточным христианским миром и в частности с Арменией.

Новое исследование В.А. Арутюновой-Фиданян, посвященное армяно-византийскому культурному и конфессиональному взаимодействию в судьбоносном VII в., строится как развернутый комментарий к “Пове́ствованию о делах армянских” – уникальному источнику, написанному на среднегреческом языке анонимным армянским автором. “Пове́ствование” представляет собой изложение церковной и политической истории Армении в IV–VII вв., причем, в центре внимания анонимного автора стоят все же церковные дела. Несмотря на свою лаконичность, источник содержит не только до сих пор по достоинству не оцененные фактические данные, но и, что немаловажно, позволяет взглянуть на историю армяно-византийских отношений того времени с точки зрения представителя армянской православной общины.

Вполне логична структура монографии. Первая часть представляет собой исследование самого памятника (предисловие, три главы и заключение). Вторая часть включает в себя греческий текст (воспроизведение критического текста Ж. Гаритта 1952 г. с его же добавлениями разночтений по синайской рукописи¹), русский перевод (первый в отечественной науке) и обширный комментарий, охватывающий широкий круг исторической, географической, про-сопграфической, лингвистической и богословской проблематики.

В первой главе “Источник и автор” исследуется само “Пове́ствование”, его язык и содержание, а также анализируются обществено-политические и конфессиональные воззрения его анонимного автора (с. 17–59). Как показывает В.А. Арутюнова-Фиданян, “Пове́ствование” отнюдь не являлось поздним переводом армянского прототипа на греческий, как это прежде считалось в науке, однако писалось изначально на греческом эллинизированном армянином. В качестве обоснования этого тезиса, приводятся многочисленные примеры буквального перевода на греческий понятий и выражений, которые были употребительны в армянском письменном языке того времени, но были чужды для нормативного греческого языка. Особенно убедительным выглядит указание на топонимы и антропонимы, передаваемые автором “Пове́ствования” в их арменизированной форме (как, например, вместо греч. Ἰωάννης арм. Դովնյոն). Автор отмечает также высокую фонетическую точность передачи специфически армянских онимов. По мнению автора, перечисленные факты могут знаменовать генезис некоего синтетного лингвистического феномена на территории армяно-византийской контактной зоны. Этот процесс культурной и лингвистической эллинизации был прерван при крушении контактной зоны под ударами арабов. Хотя этот феномен и исчез из жизни широких слоев населения, однако он, как предполагает автор, возможно, продолжил свое существование в кругу армяно-халкидонитской элиты (с. 19–27, 34, 135).

Автором “Пове́ствования”, скорее всего, являлся православный клирик, для которого халкидонитство – единственная “правая вера”, Армянская церковь является частью Вселенской церкви, а Армения – частью Византийской империи. В.А. Арутюнова-Фиданян определяет “Пове́ствование” как некое “пособие” для армян-халкидонитов, написанное их собратом по вере и, следовательно, как один из самых пространств текстов, дошедших до нас от армя-

¹ La narration de rebus Armeniae / Ed. critique et commentaire par G. Garitte. Louvain, 1952; Garitte G. Un nouveau manuscrit de la “Narratio de rebus Armeniae”. Le Sin. gr. 1699 // Le muséon. 1958. T. 71. P. 241–254.

но-халкидонитской письменности (с. 58–59). Обширный раздел посвящен истории халкидонитской общины в Армении до начала VIII в. Как показывает В.А. Арутюнова-Фиданян, к середине VII в. халкидонитство взяло верх и стало господствующим вероисповеданием среди армян. Лишь в следующем столетии “армянам удалось выработать самостоятельную церковную политику” (с. 51–59).

Вторая глава “Армения и Византия в конце VI–VII в.: синтезная контактная зона” посвящена реконструкции этнокультурной и политической среды, в которой создавался памятник, анализу ее ментальной структуры (с. 61–102). Глава открывается теоретическим очерком, посвященным содержанию термина “контактная зона” (с. 63–66). Констатируя противоречивость и терминологическую размытость этого понятия в современной историографии, В.А. Арутюнова-Фиданян формулирует свое понимание “контактной зоны”. По определению исследовательницы, “контактная зона” – это “органичная структура со своими законами и своеобразием культурного облика. Взаимосвязь всех компонентов (ментального, этноконфессионального, социально-административного) конструирует армяно-византийскую контактную зону как диалектическое единство, выявляющее свое существование через сложные феномены, порожденные взаимодействием и взаимовлиянием культур” (с. 102).

Во второй части главы рассматривается история миграционных процессов, приведших к значительным изменениям этнодемографической ситуации на востоке Анатолии в связи с переселением туда армян. Миграция армян началась вскоре после византийско-персидского раздела Армении в 385 г. и продолжалась в течение последующих семи веков. Уже к VII в. армяне расселились на обширной территории от Черного моря до Кесари Каппадокийской (с. 67–69). Дается также развернутый очерк социально-административной эволюции армянских земель в IV–VII вв. (с. 69–78). Стержнем главы является реконструкция “образа Византии” в армянской историографии в VII в., которая обнаруживает позитивное отношение армян к Византии, вполне парадоксальное для эпохи насильственного распространения византийской власти в Армении. Этот вывод пересматривает общепринятую в современной историографии трактовку, согласно которой во взглядах армян на Византию в ту эпоху наличествует негативная доминанта (с. 78–98). Анализ широкого круга источников и исследованных позволил автору воссоздать цельную картину формирования армяно-византийской социо-культурной модели, в которой, по мнению В.А. Арутюновой-Фиданян, магистральные процессы предопределялись их “синтезной” (армяно-византийской) природой (с. 100–101).

Третья глава монографии «“Повествование” в контексте армянской православной традиции» (с. 103–132) содержит сравнительный анализ более поздних источников IX–XI вв., имеющих касательство к армянской халкидонитской общине: “Послание к католику Захарии”, приписываемое патриарху Фотию, “Ширакаванское досье” – богословский текст смешанного жанра, который, как некоторые полагают, был частью актов Ширакаванского собора (IX в.), и, наконец, “Хнагреанк” Тиграна Пахлавуня – отрывок из несохранившейся “Истории” XI в., повествующей об армянских церковных делах в предшествующие столетия. Автор приходит к выводу, что “Повествование” послужило прототипом и образцом для перечисленных сочинений, которые опирались в той или иной мере на само “Повествование” или же его непосредственный источник (с. 130–131). В.А. Арутюнова-Фиданян ставит под сомнение авторство патриарха Фотия для “Послания к католику Захарии”, полагая, что оно было составлено в среде самих армян-халкидонитов от имени константинопольского патриарха. Хотя, как отмечает исследовательница, это вовсе не означает, что Фотий не сносился с Армянской церковью, ибо именно при его патриаршестве происходит заметное оживление византийско-армянских церковных связей (с. 117–118, 131).

Несомненным достоинством исследовательского подхода В.А. Арутюновой-Фиданян является привлечение современных культурологических и лингвистических методик для реконструкции культурных феноменов, что не часто встречается в современной византистике и арменистике. Многие проблемы, обсуждаемые в рецензируемой книге (судьбы армянской халкидонитской общины, содержание и структура контактных зон), рассматривались автором и в более ранних исследованиях². Новая книга расширяет фактографическую базу автор-

² См., например, итоговые исследования: Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980; *Она же*. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994; см. также: Шукуров Р.М. Зона контакта: проблемы межкультурных отношений в современной византистике // ВВ. 2000. Т. 59. С. 258 и сл.

ской концепции, подытоживает теоретические размышления В.А. Арутюновой-Фиданян о природе контактных зон и синтезных культурных феноменов. Автору удалось обнаружить новые, неизученные феномены в сюжетах и источниках давно известных науке, выработать оригинальную концепцию генезиса и становления ранней православной армянской общины, а также концепцию первого периода халкидонитского движения в Армении, генетически связанного с армянским грекофильством. В целом монография В.А. Арутюновой-Фиданян, ясно очерчивающая роль армяно-халкидонитской субкультуры на ранних этапах средневековой истории Армении, представляется весьма убедительным переосмыслением византийско-армянских отношений в VII в. Это само по себе важно, ибо до сих пор феномен халкидонитства продолжает оцениваться самыми видными и информированными арменистами скорее как маргинальный эпизод в контексте средневековой армянской культуры³.

Монография завершается репринтом греческого текста “Повествования” с параллельным русским переводом (с. 150–202) и подробным научным комментарием к тексту источника и к переводу (с. 203–256). Книга снабжена терминологическим указателем, а также указателями личных имен и географических названий. Украшают книгу и 10 цветных иллюстраций, которые дают представление о сохранившихся памятниках армянского церковного зодчества VII столетия.

Столь сложное по своей структуре исследование, насыщенное большим фактическим материалом, вряд ли могло избежать огрехов. Некоторые уточнения можно было бы предложить для транслитераций иранских исторических имен. Стандартная передача иранского царского имени выглядит как Шапур, но не Шапух – армянизированная форма того же имени (с. 214 и сл.); то же касается и персидского имени Бахрам (Бахрам Чубин), которое передано в неупотребительной армянизированной форме Вахрам (с. 245).

По мнению автора, “в 323 г. Константин I, победив Лициния (...) издал манифест, в котором единственной истинной верой признавал христианство, а язычество объявлялось терпимым заблуждением” (с. 210, примеч. 6). Тут явно имеет место недоразумение. Константин I никогда не издавал эдиктов, признававших христианство “единственной истинной верой” и тем более осуждавших язычество. Вероятно, тут имеются в виду эдикты, касавшиеся христиан и опубликованные задолго до 323 г. – Галерия в 311 г., признававшего за христианством статус *religio licita*, и Миланский эдикт 313 г., подготовленный на самом деле Лицинием, но подписанный Лицинием и Константином I и разрешавший переход в христианство из других религий. Серия постановлений, изданных между 313 и 321 гг. не добавляла ничего в базовый статус христианства, но жаловала церкви и христианам привилегии (по большей части налоговые и имущественные), которые были обычны для языческих культов. Государственной религией христианство стало много позже – в 381 г.⁴

Приведенный в первой главе список армянских прототипов для греческого словоупотребления “Повести”, как уже говорилось, в целом вполне убедителен. Однако в некоторых случаях он, как кажется, выдает стандартные греческие выражения за кальку с армянского. Например, по мнению автора, “множественное число этнонима для обозначения земли, где живет этнос, характерно для армянского языка” и не характерно, как полагает автор, для греческого (с. 209, 25, 238 и т.д.) Выражения βασιλευόντων... ἐν τῇ Ῥωμαίῳ καὶ Πέρσαις, ἐκ τῶν Νέων Ῥωμαίων, χώρα τῶν Ἀρμενίων автор рассматривает как несвойственные греческому словоупотреблению и скопированные с армянских прототипов. Это утверждение не представляется обоснованным. Именование страны по схеме “земля/страна/город/царь и проч.”

³ См., например, одну из последних фундаментальных историй армян, как кажется, не учтенную автором рецензируемой монографии: *The Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. I: The Dynastic Periods: From Antiquity to the Fourteenth Century* / Ed. R. Hovannisian. N.Y., 2004. P. 112, 120 (гл. 5 посвящена периоду с 428 по 652 г.). См. также другое обобщающее исследование, изданное ведущими зарубежными арменистами и византинистами, в котором почти не нашлось места для обстоятельного обсуждения темы халкидонитства в армянской культуре: *Treasures in Heaven. Armenian Art, Religion, and Society* // Ed. T. Mathews, R. Wieck. N.Y., 1998.

⁴ См., например: *Le monde byzantin. T. I: L'empire romain d'Orient (330–641)* / Ed. C. Morrisson. P., 2004. P. 51–54 (в гл. 2, написанной Бернаром Флюзаном); *Cameron A. The Later Roman Empire. AD 284–430.* Cambridge (Mass.), 1993. P. 44–51; *Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. Т. 2.* М., 1994. С. 160–165.

персов, финикийцев, египтян, эллинов и т.д. было вполне стандартным для греческой письменности и фиксируется уже у Геродота⁵.

Эти огрехи, конечно, не могут поставить под сомнение научную значимость обсуждаемого труда. Несомненно, новая книга В.А. Арутюновой-Фиданян является ярким вкладом в отечественную и мировую арменистику и византинистику, она значительно корректирует наши знания о сути и содержании византийско-армянских отношений, придает фактическую полноту и логическую законченность многолетним разработкам автора.

Р.М. ШУКУРОВ

Стратегикон Маврикия / Изд. подгот. В.В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2004. 256 с.

Еще в начале 1970-х годов в своей аннотации на издание “Стратегикона”, выполненное Х. Михаэску, А.П. Каждан отметил, что появление румынской книги “снова ставит вопрос о необходимости нового русского перевода” этого памятника (ВВ. 1972. Т. 33. С. 235). Александр Петрович, конечно, имел в виду устарелость и низкое качество перевода М.А. Цыбышева (1903), не уточнив, правда, что перевод этот был выполнен с латинской версии трактата, содержащейся в единственном для того времени издании И. Шеффера (1664). Переводы отдельных мест “Стратегикона”, касающиеся прежде всего славянских сюжетов, не ставили своей целью скрупулезного ознакомления российского читателя с памятником¹. Поэтому издание, подготовленное В.В. Кучмой, известным историком византийской армии, прекрасно зарекомендовавшим себя изучением и переводом ромейских военных трактатов², – в известном смысле не просто реализация давно назревшей необходимости, а первая в отечественной византинистике полная *translatio* на русский язык греческого оригинала “Стратегикона”. В основу перевода положено венское критическое издание Дж. Дэнниса с учетом изданий Шеффера и Михаэску, а также существующих переводов (на латинский, румынский, английский, немецкий и русский языки). Перевод сопровождается хорошим реальным комментарием, расположенным постранично, что весьма удобно для читателя, особенно малознакомого со специфичной греческой военной терминологией рубежа VI–VII вв. Подробность, многоаспектное содержание и, вместе с тем, предельная ясность комментария резко расширяют круг читателей книги Кучмы, делая ее интересной не только для византинистов, но и для медиевистов, востоковедов, славяноведов, как историков, так и филологов. Представляются абсолютно верными два принципа трансляции текста трактата, оговоренных (с. 58–59) и тщательно реализованных Кучмой, – предоставление приоритета смыслу информации сочинения (если она не совмещается со стилистикой оригинала) и сохранение без перевода (в большинстве случаев) военных терминов, не имеющих в своем содержании точного аналога в русском языке. Отсюда и свойства методики комментария. Кучма, останавливаясь на каждом из такого рода терминов, когда тот впервые встречается в “Стратегиконе”, неторопливо и в то же время предельно четко разбирает толкования, предложенные его предшественниками, и выверяет вроде бы установившиеся объяснения, факты и хронологию.

Обстоятельное Введение содержит обзор рукописной традиции трактата, проблемы его авторства³, а следовательно, и датировки; очень важно корректное освещение структуры па-

⁵ См., например, для *χώρα/πρῆγματα τῶν Ἑλλήνων/Περσέως*: Herod., I. 46; II. 13; VIII. 10, 75, а также: *Liddell H.G., Scott R. Greek-English Lexicon*. Oxford, 1996. P. 1457, 2015, словарные статьи соответственно для *πρῆγματα* (в значении *state, empire*) и *χώρα* (в значении *land, country*).

¹ Здесь следует прежде всего обратить внимание на выполненные В.В.Кучмой перевод и комментарий тех мест трактата, которые посвящены практике борьбы со славянами, в издании: *Свод древнейших письменных известий о славянах*. М., 1991. Т. I (I–VI вв.). С. 364–393.

² Из книг, выпущенных издательством “Алетейя”, отмечу: *Кучма В.В. Военная организация Византийской империи*. СПб., 2001; *Два византийских военных трактата конца X века / Изд. подгот. В.В. Кучма*. СПб., 2002.

³ В результате многопланового анализа Кучма присоединяется к тем исследователям (начиная с А. Дэна), которые допускают принадлежность авторства “Стратегикона” императору Маврикию (с. 8–15).